СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Из истории русской литературы начала XIX века

Об одном текстологическом казусе 8

История издания поэтического сборника Вяземского «В дороге и дома» 14

Борец с «высшими взглядами»: По поводу одного намека в очерке Булгарина 35

Раздел II. Из истории русской литературы начала XX века

Александр Блок во Введенской гимназии (совм. с А. М. Конечным) 74

Александр Блок — выпускник университета 132

Заметки об источниках статьи А. А. Блока «Поэзия заговоров и заклинаний» 160

Блок — участник венгеровского издания Пушкина 177

Д. С. Мережковский — ученик Третьей гимназии 220

«…Ряд сборников его поэзии кажутся стройными вехами пройденного им пути» 331

О некоторых проблемах и принципах издания сборника статей «По Звездам» в академическом собрании сочинений Вяч. Иванова 510

Над рукописями статей Вяч. Иванова 539

Раздел III. Институт истории искусств

Гимн формалистов (совм. с А. М. Конечным) 594

Казимир Малевич и сотрудники ГИНХУКа в ГИИИ (По материалам ЦГАЛИ СПб) 634

К истории возникновения кинокомитета при ГИИИ . . . 698

К истории возникновения Соцкома в Институте истории искусств (Еще раз о Жирмунском и формалистах) 731

Институт истории искусств на рубеже 1920–1930-х годов . 751

Приложение. Моя научная школа: отрывки воспоминаний . 907

Указатель имен 944

Процесс научного исследования можно описать цитатой из «Горе от ума» Грибоедова: «Шел в комнату — попал в другую…»

Ю. М. Лотман. Из конспекта лекций

Раздел I. Из истории русской литературы начала XIX века

ОБ ОДНОМ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОМ КАЗУСЕ[1]

Уже при первоначальном отборе текстов для издания стихотворений П. А. Вяземского в серии «Библиотека поэта»[2] наше внимание привлекло следующее загадочное четверостишие:

Пред хором ангелов семья святая
Поет небесну благодать,
А здесь семья земная
По дудке нас своей заставит всех плясать.

Впервые этот текст был опубликован в Полном собрании сочинений Вяземского, в цикле из трех стихотворений такого же размера, под общим заглавием «Эпиграммы и заметки»[3]. В примечаниях к собранию, где фиксировался лишь источник текста, указано, что цикл воспроизведен по «копии 1825 г.»[4]. В дальнейшем, уже вне цикла, это четверостишие было помещено в сборнике «Избранные стихотворения» Вяземского, подготовленном В. С. Нечаевой[5], которая существенно дополнила стиховую часть указанного «полного» собрания (т. е. тома 3, 4, 11 и 12) и снабдила издание развернутым историко-литературным комментарием. Исследовательница уже без всяких оговорок датирует стихотворение

---

[1] Впервые: Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 242–246.

[2] *Вяземский П. А.* Стихотворения / Вступ. статья Л. Я. Гинзбург. Сост., подгот. текста и примеч. К. А. Кумпан. Л., 1986 («Библиотека поэта», большая серия).

[3] Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. СПб., 1880. Т. 3. С. 390.

[4] Там же. С. VII.

[5] *Вяземский П. А.* Избранные стихотворения / Ред., статья и коммент. В. С. Нечаевой. М.; Л., 1935. С. 420.

1825 годом, относит его к жанру «эпиграммы» и дает следующее его толкование:

> По нашему мнению, она <эпиграмма. — *К. К.*> направлена против царской семьи и является одним из наиболее резких выпадов Вяземского против самодержавия в эпоху либерализма[1].

Понятно, что эта политическая трактовка не только выделила четверостишие из других стихотворений цикла «Эпиграммы и заметки», но и заставила включить его во все последующие научно значимые издания Вяземского[2] как особо важное для характеристики мировоззрения поэта 1825 года, оказавшегося, таким образом, апогеем его оппозиционных настроений. Было оно также включено М. И. Гиллельсоном в составленную коллективом авторов антологию «Русская эпиграмма»[3]; при этом такие серьезные исследователи Вяземского, как Л. Я. Гинзбург и М. И. Гиллельсон, в своих примечаниях без всякого сомнения присоединились к «убедительному предположению» Нечаевой[4], что «эпиграмма направлена против царской семьи и является одним из наиболее резких высказываний Вяземского против самодержавия»[5]. Иначе говоря, за истекшие со времен нечаевского издания десятилетия приведенное в начале заметки четверостишие прочно вошло в круг текстов, относящихся к политической сатире начала XIX века.

Вероятно, магия политического прочтения, а также «сила тайная авторитета» крупнейшего знатока Остафьевского

---

[1] Там же. С. 544.

[2] *Вяземский П. А.* Стихотворения / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Л. Я. Гинзбург. Л., 1958. С. 136 («Библиотека поэта», большая серия); *Вяземский П. А.* Сочинения: В 2 т. Т. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. М. И. Гиллельсона. М., 1982. С. 133.

[3] Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. / Сост., подгот. текста и примеч. В. Е. Васильева, М. И. Гиллельсона, Н. Г. Захарченко. Л., 1975. С. 283 («Библиотека поэта», большая серия).

[4] *Вяземский П. А.* Стихотворения / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Л. Я. Гинзбург. С. 459.

[5] *Вяземский П. А.* Сочинения: В 2 т. Т. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. М. И. Гиллельсона. С. 407; Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. С. 735.

архива (известно, что сам архив долгие годы хранился у Нечаевой дома) были столь могущественны, что никто не обратил внимание на несомненную странность «экспозиции» этой так называемой эпиграммы. Напомним, что в том типе эпиграмм, к которому относится наш текст, построенном на семантическом (а иногда и синтаксическом) параллелизме, в «экспозиции» (или, по классическому определению Н. Ф. Остолопова, — «предложении») воспроизводится обычно нечто хорошо известное читателю своего времени, задается некая банальная ситуация. Например, «экспозиция» может являть собой строки популярного стихотворения, романса, песни, пословицы, эпизоды из хрестоматийных исторических, мифологических, библейских сюжетов и т. д. К этому типу относятся, например, эпиграмма Пушкина «Лук звенит, стрела трепещет…» или эпиграмма Вяземского «Отечество спаслось Кутузова мечом…», в первой из которых «экспозицией» является миф об убийстве Аполлоном дракона Пифона, а во второй — известный исторический факт — победа России в войне 1812 года. Соотнесенность этой ситуации в «экспозиции» с конкретным поводом написания эпиграммы в «пуанте» создает основной или дополнительный комический эффект.

«Экспозиция» настоящей «эпиграммы» как бы тоже отсылает к библейскому сюжету, поскольку словосочетание «семья святая» не может быть ни чем иным, как поэтической инверсией «Святого семейства». Однако эпизод пения Святым семейством (Девой Марией, святым Иосифом и младенцем Христом) «небесной благодати», да еще почему-то «пред хором ангелов», выглядит очевидным нонсенсом. В Святом писании его нет и быть не может. Представляется, по крайней мере, странным моделирование Вяземским этой псевдоевангельской ситуации ради того, чтобы намекнуть в «пуанте» на произвол самодержавия.

Размышления над смыслом четверостишия заставили нас обратиться к поискам рукописного его источника, поскольку именно маргиналии на полях некоторых списков эпиграмм, посылаемых Вяземским своим издателям и библиографам (П. И. Бартеневу, М. Н. Лонгинову и С. Д. Полторацкому), до сих пор были главным источником их расшифровки. Что же

касается настоящего стихотворения, то первым и последним, кто видел его рукопись, был Н. П. Барсуков, готовивший тексты в указанном Полном собрании сочинений (2). В. С. Нечаева в примечаниях указывает: «В архиве этой эпиграммы мы не встретили». «Не удалось обнаружить» копии 1825 года и Л. Я. Гинзбург. «Местонахождение копии неизвестно», — заявляет М. И. Гиллельсон[1].

Между тем найти архивный источник четверостишия оказалось не столь уж сложно: он хранится в одном из известных рукописных сборников стихотворений Вяземского, которым и Нечаева и Гинзбург активно пользовались для сверки других текстов поэта. Можно предположить, что «копия», находящаяся на одном листе с четырьмя другими четверостишиями[2], осталась не замеченной исследователями совершенно случайно.

Итак, что же прояснилось при непосредственном обращении к рукописи? К сожалению, никаких маргиналий комментаторского свойства на ней не оказалось. Но перед нами вовсе не копия, а автограф, точнее — недатированный авторский список. Вероятно, у Барсукова имелись свои резоны датировать его 1825 годом, однако время написания и время снятия сохранившейся авторской копии явно не совпадают. О том, что четверостишие было написано по крайней мере на несколько лет раньше 1825 года, свидетельствует, в частности, его расположение в указанном списке между текстами конца 1810-х и 1823 годом. И наконец, самое главное: автограф позволил установить аутентичный текст стихотворения. Дело в том, что Барсуков неверно прочел лишь одно слово в приведенных выше четырех стихах, но слово это оказалось ключевым: вместо слова «семья» в автографе не очень четко, но вполне читаемо расшифровывается имя

---

[1] *Вяземский П. А.* Избранные стихотворения… С. 544; *Вяземский П. А.* Стихотворения… С. 450; Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. С. 735.

[2] Стихотворения на листе переписаны в такой последовательности: 1) «Работая пером, как топором…»; 2) «Чтоб Вас оставить, Вас я вижу…»; 3) «Тебе, одной тебе / Быть Антигоной можно…»; 4) настоящее четверостишие; 5) «Жужжащий враль, едва приметный слуху…».

собственное Сесилия. Таким образом, подлинный текст четверостишия оказался следующим:

Пред хором ангелов Сесилия святая
Поет небесну благодать,
А здесь Сесилия земная
По дудке нас своей заставит всех плясать[1].

При таком прочтении уясняется смысл «экспозиции» стихотворения: в первых двух стихах речь идет о католической святой III века Цецилии (или Сесилии), считавшейся покровительницей духовной музыки и с музыкальной атрибутикой изображавшейся в живописных произведениях. В данном случае Вяземский, вероятно, имел в виду знаменитую алтарную экспозицию Рафаэля «Святая Сесилия», хранящуюся в Болонской пинакотеке (в XIX веке она часто репродуцировалась в виде гравюр и литографий), в центральной группе которой изображена святая с «подъятыми долу» очами, то ли внимающая, то ли подпевающая хору ангелов, расположенному со своими музыкальными инструментами на небесах и распевающему там по нотам.

Уточнение текста установило и жанр стихотворения: это вовсе *не* «эпиграмма», направленная «против царской семьи», а мадригальный экспромт, посвященный какой-то даме, фигурирующей здесь под настоящим или вымышленным именем Цецилии, — может быть, какой-то знаменитой музыкантше (флейтистке?) или просто «великосветской львице». Личность адресата пока установить не удалось: возможно, в дальнейшем при просмотре материалов вокруг Вяземского (например, неописанной части альбомов «пушкинской поры») обнаружится ранний автограф настоящего мадригала, установится адресат, уточнятся время и обстоятельства его создания. Однако уже сейчас текст четверостишия следует изъять из корпуса текстов политической

[1] Интересно отметить, что в каталоге РГАЛИ атрибуция этого автографа «приведена в соответствие» с публикациями: в первом стихе фигурирует «семья», далее отмечено, что это «эпиграмма», рукопись которой представляет собой «копию 1825 г.».

сатиры декабристской эпохи. Это мы и сделали, не включив его в подготовленное при нашем участии новое издание «Русской эпиграммы»[1]. Остался он и за рамками того самого сборника стихотворений Вяземского в «Библиотеке поэта», о котором шла речь в первой фразе настоящей заметки, как стихотворение «проходное» и не столь значимое в эстетическом и идеологическом отношении, чтобы быть включенным в «избранное издание» (тем более, что в те годы из-за экономии бумаги объем книг в «Советском писателе» нещадно урезался). Таким образом, за рамками комментария остался и изложенный здесь сюжет.

В качестве постскриптума хотелось бы напомнить следующие слова одного из самых замечательных текстологов XX века — Б. В. Томашевского:

> Существует распространенное мнение, что текстологическая работа имеет свой резон только в больших «академических» научных изданиях. В популярных изданиях это часто признается несущественным: редактор может ограничиться перепечаткой «хорошего» издания. Эта точка зрения требует решительного отпора[2].

В наш век коммерческих изданий, работа над которыми часто сводится к недоброкачественной «перепечатке» далеко не «авторитетных» изданий, призыв исследователя 1920-х годов к серьезной подготовке популярных изданий классиков звучит чрезвычайно актуально. На примере изложенного казуса видно, к чему может привести отсутствие тщательной текстологической проверки публикуемого текста. Следует иметь в виду, что дублирование ошибки в популярном издании — это не простой повтор опечатки, а закрепление в сознании широкого круга читателей неверного прочтения, подчас способного исказить картину творчества и эволюции мировоззрения писателя.

---

[1] Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века) / Вступ. статья М. И. Гиллельсона. Сост. и примеч. М. И. Гиллельсона и К. А. Кумпан. Подгот. текста К. А. Кумпан. Л., 1988 («Библиотека поэта», большая серия).

[2] *Томашевский Б. В.* Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959. С. 228–229.

ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО СБОРНИКА ВЯЗЕМСКОГО «В ДОРОГЕ И ДОМА»[1]

Судьбу единственного прижизненного поэтического сборника П. А. Вяземского «В дороге и дома» (М., 1862) нельзя назвать счастливой. Вызвав несколько едких пародий в сатирических журналах 1860-х годов, это собрание избранных стихотворений было прочно забыто. Среди поредевшего круга друзей и почитателей поэта оно возбудило лишь недоумение и досаду. «Неужели все богатство этого таланта, все разнообразие ума, искренность, благородство должны были привести к такому концу», — грустно констатировал свое впечатление от книги один из них[2]. Безжалостней всех отнесся к сборнику сам Вяземский, записавший 15 июня 1878 года на титульном листе авторского экземпляра: «Тяжело и скучно, и неловко держать книгу в руке»[3]. В чем же причина неудачи этого издания? В последние годы жизни Вяземский склонен был всю вину возложить на издателя. «Участия в этом издании не принимал, был за границею и хандрил, предоставляя Лонгинову выбирать и печатать, что хочет, — записал он в 1878 году на сборнике. — Кажется, только на второй, если не третий год увидел я книгу свою»[4]. Менее категорично, но в том же роде излагается история

---

[1] Впервые: Русская литература. 1990. № 1. С 164–171.

[2] Из письма П. И. Бартенева Я. К. Гроту от 5 октября 1862 года (СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 3. № 55. Л. 43 об.).

[3] РГБ. Отдел редкой книги. Шифр МК XII. А. 7/8.

[4] Там же. С. 339.

издания в автобиографическом введении к Полному собранию сочинений поэта:

> Оно составлено по почину и главному распоряжению покойного Лонгинова. Я был тогда за границею по болезни моей и, признаюсь, остался довольно равнодушен к исходу этого предприятия. Вполне благодарен я ему за труд, добросовестно и с умением им исполненный; но скажу откровенно, что я не совершенно согласен с ним относительно выбора его из моих стихотворений. Иного не внес бы я в избранное собрание, другое, как, например (исчисляю их по памяти): «Уныние», «Первый снег», «Послание к Денису Давыдову» и некоторые другие стихотворения, по сочувствию моему, имели бы более права на перепечатание, нежели другие, попавшие в книгу[1].

Эти авторские свидетельства легли в основу установившегося в науке мнения о текстологической неавторитетности сборника. Включенные в него тексты во внимание не принимались и печатались по предшествующим ранним публикациям, а за отсутствием их — по рукописям в архиве поэта. Между тем ряд вновь обнаруженных материалов заставляет пересмотреть вопрос об участии поэта в подготовке книги. Среди них в первую очередь отметим указание П. И. Бартенева, человека близкого к изданию, научная добросовестность которого не позволяет заподозрить его в пристрастности.

> Это издание autorisé par l'auteur, — сообщал он Я. К. Гроту в письме от 10 ноября 1862 года. — Он <автор. — *К. К.*> сам занимался выбором и расположением стихотворений, и потому многое опущено прекрасного и помещено слабого[2].

Ответ на вопрос, кто был повинен в неудачном составе сборника, следует искать в истории его издания, а для ее реконструкции обратиться к архивным материалам, до сих пор не привлекавшим внимание исследователей.

---

[1] *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. I. С. LV–LVI.

[2] СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 3. № 55. Л. 46.

* * *

Выходу в свет сборника «В дороге и дома» предшествовали торжества по случаю пятидесятилетней годовщины литературной деятельности Вяземского. Они состоялись 2 марта 1861 года. Выступавшие на юбилее с приветственными речами Д. Н. Блудов и Я. К. Грот упомянули о необходимости издать, наконец, полное собрание сочинений поэта, чьи произведения до сих пор «лежат под спудом», неопубликованные или разбросанные в малодоступных для современного читателя изданиях. Сам Вяземский в ответной речи заметил, что «предстал» перед собравшимися «без документов налицо, без полновесных книг и книжек»[1].

Обстоятельство это действительно вызывает недоумение. Дожив почти до семидесяти лет, пятьдесят из которых были посвящены литературному труду, поэт не успел не только подготовить собрание сочинений, но и выпустить хотя бы один объемный поэтический сборник. Нельзя сказать, чтобы он совсем не думал об этом. В письмах Вяземского и в переписке его друзей зафиксировано несколько попыток поэта собрать и издать свои стихотворения. Об издательских замыслах свидетельствует и множество подборок стихотворных текстов (иногда уже в виде готовых рукописных сборников), сохранившихся в Остафьевском архиве. Однако ни одно из этих предприятий до конца доведено не было.

В преддверии будущего юбилея два крупных библиографа того времени — приятель Вяземского С. Д. Полторацкий и почитатель его поэзии М. Н. Лонгинов — предложили поэту «возложить» на них издание полного собрания его сочинений.

> Благоволите сообщить нам… собранные Вами материалы, которые дополнятся нами, — писали они Вяземскому 20 августа 1856 года. — Позвольте нам составить программу издания и представить все,

[1] Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика Петра Андреевича Вяземского. СПб., 1861. С. 12.

> нами собранное, на Ваше рассмотрение. Наблюдение за печатанием и корректурой мы тоже готовы принять на себя[1].

Однако и это конкретное предложение не возымело последствий: долгие подступы и промедления сопровождали все издательские начинания Вяземского. На этот раз его бездействие выглядело особенно странным, поскольку большая библиографическая работа по сбору опубликованных стихотворений была уже проведена. Мы имеем в виду хранящиеся в фондах Вяземского три объемистые тетради рукописных копий, составленные В. И. Межовым и датированные 1855 годом. В них собраны стихотворения поэта, напечатанные в журналах, газетах, альманахах и сборниках 1810–1850-х годов[2].

Так или иначе, но до юбилейных торжеств никакого издания стихотворений Вяземского осуществлено не было. Как известно, чествование поэта вызвало отклики в журналах либерального и радикального направления, содержавшие сатирические высказывания в адрес юбиляра. Не в пользу Вяземского трактовался и тот факт, что произведения его остались почти не известны публике.

> А насчет сокровищ, лежащих под спудом, — иронически заметил обозреватель «Русского слова», — можно только сказать одно: да кто же им велит оставаться под спудом?.. Такие сокровища, как ум, талант и образованность, не остаются в тени, как бездарность и невежество[3].

Первым в защиту поэта выступил М. Н. Лонгинов, который в обширной статье «Из современных записок» обрушился на критиков за небрежение культурными традициями, или, как он выразился, «литературной генеалогией»[4]. Выступление

---

[1] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 2193. Л. 2. Далее письма Лонгинова к Вяземскому из этой единицы хранения цитируются без повторения ссылок.

[2] РГБ. Ф. 63.1.1 (первая тетрадь); РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 891 и 892 (вторая и третья тетради).

[3] Русское слово. 1861. № 4. С. 29.

[4] Русский вестник. 1861. № 4. С. 102 (вторая пагинация).

Лонгинова вызвало новую волну полемических откликов. Откликнулся на нее и Вяземский — письмом к критику 12 мая 1861 года. В нем кроме слов благодарности содержалось, наконец, и конкретное предложение стать его издателем.

> В течение лета надеюсь быть в Москве и еще раз лично поблагодарить Вас за Ваши великодушные обо мне подвиги, — писал он. — Между тем надеюсь привезть с собою и тетрадку стихов, которую отдам в Ваше распоряжение и которую можно будет издать отдельно и предварительно в виде закуски перед обедом, если суждено моему обеду состояться при мне…[1]

Итак, решение поэта издать сборник стихотворений, возникшее в разгар полемики вокруг его поэтического наследия, диктовалось, по счастливому выражению Лонгинова, желанием самому выступить «адвокатом в своем деле»[2].

Встреча Вяземского с будущим издателем состоялась довольно скоро. «Возвратился из Москвы», — пометил поэт в записной книжке под 16 июня 1861 года[3]. О совместной его работе с Лонгиновым в этот приезд в Москву дают представление некоторые документы, сохранившиеся в архиве издателя.

Прежде всего, это большое количество автографов и авторизованных копий, которые Вяземский привез с собой. Частично они рассыпаны (в виде небольших подборок или отдельных стихотворений) в различных единицах лонгиновского фонда, но большая часть авторизованных копий влита издателем в объемную рукопись, которая в каталоге озаглавлена «Оригинал книги П. А. Вяземского „В дороге и дома“»[4]. Копии в подборке сделаны в разное время, разными почерками, на разных по формату листах бумаги, иногда имеют ранние даты цензурных разрешений, но, судя по пометам

---

[1] РГАЛИ. № 23138. Л. 1 об. — 2. Далее письма Вяземского Лонгинову из этой единицы хранения цитируются без повторения ссылок.

[2] См. анонс издания в заметке Лонгинова «Толки и недоразумения» (Русский вестник. 1861. № 6. С. 121).

[3] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1133. Л. 4.

[4] ИРЛИ. № 23514.

Лонгинова для наборщиков, эта единица представляет собой наборную рукопись книги с небольшими лакунами.

Папка с наборной рукописью открывается листами большого формата, вложенными в нее позже. Так, например, сюда попал титульный лист, на котором каллиграфическим почерком выведено: «Стихотворения кн. Вяземского», а сверху рукою самого поэта помечено: «Нумерация от 1 до 67». Судя по всему, перед нами титульный лист самой ранней подборки текстов, с которой начал складываться сборник. Установить ее состав удалось благодаря сохранившимся на авторизованных копиях (в лонгиновском фонде) следам стертых номеров (от 1 до 67), сделанных тем же корявым старческим почерком Вяземского, что и процитированная запись на титуле.

Первоначальная подборка состояла из шестидесяти семи стихотворений, отбор и расположение которых сделаны без всякой системы и плана. Большинство из них представлено неопубликованными текстами «позднего» Вяземского: пейзажной и медитативной лирикой и стихотворными фельетонами, направленными против «обличительной литературы». Лишь четырнадцать стихотворений в подборке относятся к 1820–1830-м годам. Среди них преобладают тексты на «дорожную» тему — две «Тройки», «Коляска», «Прогулка в степи», три «Дорожные думы» и «Памяти живописца Орловского»; впрочем, сюда попали и стихотворения иного содержания: «Балтийское видение», «Море», «Нарвский водопад», «Звезда на Волге», «Черные очи», «Дружеская беседа». Следует особо отметить, что из всей поэзии 1810-х годов Вяземский привез в Москву только одно стихотворение — «Ухаб», вероятно выбрав его по «дорожному» признаку. Ни «Первого снега», ни «Уныния», ни послания «Д. В. Давыдову», в отсутствии которых поэт упрекал Лонгинова, сам он включать в сборник не собирался. Зато кроме указанной подборки он захватил с собой большое количество поздних стихотворений, автографы которых были у него под рукой.

Ориентируясь на все эти тексты, переданные автором в распоряжение издателя, последний набросал первоначальный план книги, который сохранился в той же папке

с наборной рукописью. Это большой двойной лист, содержащий следующую запись рукою Лонгинова:

Дневник
Россия
Степью 2
Полтава. — Очерки Москвы.
Море — и все, что к морю. — Рыбак
Стамбул — На Босфоре
Прага
Италия, Венеция, Ницца.
Германия
Швейцария

Таким образом, поначалу Лонгинов предлагал назвать сборник «Дневник», разбить материал на отделы («Россия», «Море» и т. д.) и дополнить подборку несколькими стихотворениями из привезенных поэтом в Москву (два под заглавием «Степью», «Полтава», «На Босфоре»)[1].

Вероятно, к этому времени относится недатированная записка Вяземского Лонгинову, написанная карандашом на клочке бумаги и хранящаяся среди других писем поэта в архиве издателя: «Благодарю и разрешаю. Я предлагаю назвать „В дороге и дома“. Впрочем, все равно». На лист же с предварительным планом Вяземский вписал, в соответствующие места, заглавия двух частей книги: «В дороге» (перед названием первого отдела — «Россия»), «Дóма» (под последним — «Швейцария») и ниже — заглавие отдела второй части: «Заметки». Внизу поэт пометил: «По нумерации здесь всего 67», что говорит о просмотре им (одновременно с доработкой плана книги) первоначальной подборки. На ее листах сохранились авторские указания о помещении текста в тот или иной раздел, сделанные тем же карандашом, что и пометы на плане. Так, на авторизованной копии «Коляски» он пометил: «вместо предисловия», на текстах

[1] Автографы их в виде отдельной тетрадочки сохранились в архиве Лонгинова (ИРЛИ. № 23536).

стихотворений «Черные очи» и «Горе» — «дома», на копии «Моря» и «Звезды на Волге» — «Россия», на стихотворении «Горы под снегом» — «Швейцария», на копии стихотворения «Старость» — «заметки» и т. д. В верхней части плана поэт, обращаясь к издателю, написал: «Восток дополнить из маленькой книжки. Также вставить в состав и напечатанное в Карлсруэ». Речь идет о шести стихотворениях, автографы которых вошли в привезенную Вяземским небольшую по формату рукописную книжечку[1], и о двенадцати текстах, опубликованных в брошюре «За границею» (Карлсруэ, 1859). Очевидно, Лонгинов выполнил указание Вяземского и вложил в подборку автографы, а под авторской пометой об объеме приписал: «дополнено до 80». Помета автора для издателя свидетельствует не только о тенденции расширения объема книги, но и о дальнейшей доработке ее структуры. Отдел «Море» Вяземский заменил отделом «Восток». Таким образом, первоначальный план книги, разработанный совместными усилиями автора и издателя, приблизился к структуре сборника «В дороге и дома». Напомним, что печатная книга имеет две части, первая из которых, под заглавием «В дороге», состоит из шести отделов («Россия», «Восток», «Германия», «Швейцария», «Италия», «Франция и Англия»), а вторая — «Дома» — из двух: «Разные стихотворения» и «Заметки».

Следующий документ, сохранившийся от совместной работы Вяземского и Лонгинова в Москве, — список стихотворений, содержащий уже 128 текстов[2]. Он имеет авторское заглавие «В дороге и дома» и карандашную помету неустановленной руки: «Порядок, в котором сложены стихотворения (нужно пронумеровать, как они должны следовать одно за другим в печати)». Можно предположить, что помета сделана под диктовку Вяземского и адресована Лонгинову. Список этот интересен тем, что фиксирует почти все рукописные тексты, привезенные поэтом в Москву

[1] В расшитом виде листы из нее находятся в различных единицах хранения фонда Лонгинова; указанные шесть автографов составили отдельную единицу хранения: ИРЛИ. № 23531.

[2] ИРЛИ. № 23514. Л. 3–5 об.

в первый приезд. Три названия взяты здесь в скобки. Стихотворения эти не вошли в книгу и не осели в архиве Лонгинова; возможно, тексты их сразу были вынуты Вяземским из подборки. Не вошли в книгу и три «заметки», которые в указанном списке не имеют никаких значков. Однако на авторизованных копиях этих стихотворений сохранились карандашные пометы типа: «Я бы этой пьесы не поместил в собрание» (рукою Лонгинова) и рядом ответ Вяземского: «Согласен»[1]. Вероятно, издатель вынул их из подборки позже, но изъятие это также было одобрено автором.

И наконец, тогда же Лонгиновым был составлен еще один список — проект «Оглавления», экземпляр которого сохранился в архиве поэта[2]. Судя по переписке издателя с Вяземским, проект не был предварительно согласован с автором. Состав сборника, отраженный в этом «Оглавлении», и его композиция близки к окончательному варианту книги, поэтому вопрос о степени участия поэта в отборе перечисленных здесь стихотворений важен для решения проблемы авторизации сборника «В дороге и дома».

В указанном проекте «Оглавления» зафиксировано уже 174 названия. 122 из них — это разнесенные по окончательно установленным рубрикам стихотворения предыдущего списка (в отборе их, как мы отмечали, поэт принимал непосредственное участие). Он дополнен в основном печатными текстами. Четыре «новых» названия Лонгинов повторил на обороте последнего листа «Оглавления» («Послание к Блудову». «Берлин», «К Иванову», «Северину»); судя по письму издателя (см. ниже), Вяземский обещал прислать эти тексты из Петербурга. Из оставшихся 48 «новых» стихотворений 21 включено в этот список в соответствии с письменными указаниями поэта: двенадцать из них взяты из брошюры «За границею», а к девяти имеются авторские пометы на межовских копиях типа: «Внести в Дорогу Рим»[3].

[1] ИРЛИ. № 23514. Л. 3–5 об.

[2] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1176. Л. 1–4.

[3] Помета под стихотворением «Роза и кипарис» в третьей тетради из межовского собрания (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 892).